

СТАТЬИ

В.Т. Тенкеев

«ОТ НЕГО, КРЫМСКОГО ХАНА, ПРАВДЫ И ПОСТОЯНСТВА НЕТ»: НАБЕГИ КАЛМЫЦКИХ ОТРЯДОВ НА КРЫМ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ 1654 – 1667 гг.

Набеги калмыцких конных отрядов на Крымское ханство в ходе Русско-польской войны 1654–1667 гг. никогда не были предметом отдельного исследования. Между тем как уже известные, так и особенно архивные документы, впервые выявленные нами, позволяют осветить эту яркую станицу истории калмыцкого народа и становления его государственности.

«У великого государя учинились в вечном подданстве»

В результате перекочевки из Центральной Азии на запад, калмыки в первой половине XVII в. начали активно осваивать степные пространства Северного Прикаспия, входя в соприкосновение с народами Северного Кавказа, Приуралья, Причерноморья и населением юга Московского царства. Самостоятельный выход калмыков в Волго-Донское междуречье первоначально не отчал интересам царского правительства. С другой стороны, царские власти не могли не использовать возможности калмыцкой конницы для усиления южных границ государства.

В ходе неудачной Смоленской войны 1632–1634 гг. Московскому царству не удалось вернуть земли, отторгнутые Речью Посполитой за время Смуты. Для достижения этой цели царскому правительству необходимо было решить две основные задачи: создать современную армию и надежно прикрыть протяженные южные границы от вторжений кочевников и войска Крымского ханства.

1 октября 1653 г. Земский собор принял решение о принятии Войска Запорожского (Левобережной Украины) в российское подданство. А 23 октября государь Алексей Михайлович объявил в Успенском соборе о начале войны с Речью Посполитой. Наступление трех основных русских армий в Литве должны были поддержать на Украине, сковав там польские войска, запорожские казаки гетмана Б. Хмельницкого и полк воеводы А. Бутурлина. Прикрытие с юга, со стороны Крымского ханства, было возложено на Белгородский полк (свыше 7 000 человек) воеводы В. Шереметева¹. В итоге крымское направление в предстоящей

войне осталось недостаточно надежно прикрытым на случай возможного вторжения войска крымских татар, как это произошло во время Смоленской войны.

Так на повестке дня Москвы встал вопрос об окончательном урегулировании отношений с калмыками.

С весны 1654 г. в царском правительстве начал активно обсуждаться вопрос о возможном использовании калмыцких отрядов против Крымского ханства. Поводом послужили события на Украине: 8 января 1654 г. Переяславская рада приняла решение об объединении территории Войска Запорожского с Русским государством. Именно в Переяславе, тогдашней столице войска, в личной беседе московского боярина В. Бутурлина с войсковым писарем И. Выговским была озвучена идея привлечения калмыков к войне против Крыма. В письме от 21 марта 1654 г. Б. Хмельницкий сообщал боярину В. Шереметеву, что «калмыки с донскими казаками живут советно» и только ожидают царского указа, чтобы двинуться на Крым. Б. Хмельницкий предлагал направить калмыков степью, а донцов – морем на Крым, чтобы татары в первую очередь оберегали свои города и не имели возможности прийти на помощь польскому королю Яну Казимиру².

В конце 1654 г. донские казаки, в том числе и с «подказки» Москвы, отправили к калмыкам посланцев с предложением совместного военного похода против Крыма. Момент для этого был вполне подходящий: большинство крымцев ушли в польские и литовские города, ослабив защиту ханства. Тайши (калмыцкие князья) согласились, и уже на весну 1655 г. запланировали совместно с казаками выступить на Крым. Правительство Алексея Михайловича в качестве поощрения предоставило калмыкам право вольной и беспошлинной торговли в русских городах³.

Вскоре от донских атаманов к тайшам были направлены посланцы с повторным предложением совместного выступления на Крым.

Примерно в конце ноября – начале декабря 1655 г. калмыки начали переправляться на правый берег Волги, встревожив этим дозоры крымских татар. Из донесений волуйского воеводы Ф. Зарубина известно, что в начале 1656 г. калмыцкий отряд силой в 1,5 тыс. воинов за Молочными Водами (река Молочная и Молочное озеро; район современного Мелитополя) на подступах к Крыму захватил ногайский улус Армамет-мирзы, пленив свыше тысячи человек и захватив в качестве трофеев около 15 тыс. лошадей.

Позже, 17 февраля, этим же путем на Крым двинулся другой калмыцкий отряд в 500 воинов. На этот раз удар был нанесен уже по татарским улусам на азовском взморье, южнее крепости Азов⁴.

Таким образом, военная служба калмыков русскому царю, действия их военных сил в интересах России начались именно с 1656 г., хотя

первоначально они совершали набеги на Крымское ханство самостоятельно. Так было, например, в 1648 и 1651 гг., когда в наступлении на Крым участвовало до нескольких десятков тысяч калмыков.

Русско-калмыцкие отношения оформлялись письменными актами – шертьями. В течение 1655–1657 г. калмыцкие тайши дали 3 шерти, каждая из которых подтверждала и конкретизировала содержание предыдущей. Например, в шерти 1657 г. царские власти впервые обязали калмыков не иметь никаких отношений с враждебными России государствами – Османской империей и Крымским ханством⁵.

«Калмыцким людям с русскими людьми вместе быть вечно»

Крупные сражения 1658–1661 гг. в ходе Русско-польской войны привели к значительному истощению сил обеих сторон. Русская армия потерпела крупное поражение под Конотопом (1659 г.), где погибла дворянская конница князей С. Пожарского и С. Львова, и сдача войска В. Шереметева под Чудновым (1660 г.). Участие в войне на стороне Речи Посполитой значительных сил крымских татар обострило заинтересованность Москвы в использовании калмыков против Крымского ханства.

Крымский хан Мухаммед-Гирей IV настороженно следил за укреплением связей калмыков с Россией и предпринял ряд шагов, чтобы привлечь их на свою сторону. В январе 1658 г. в калмыцкие улусы прибыло внушительное по численности посольство (4 посла и 300 торговых людей) во главе с Зал-агой с подарками, «литовским ясырем» (пленниками) и товаром для обмена на калмыцких лошадей. Перед крымскими послами стояла конкретная задача – склонить тайшей к совместному выступлению против России, пообещав, что в случае победы крымский хан отдаст калмыкам Казань с Астраханью и будет выплачивать ежегодное жалованье в размере 40 тыс. руб. Однако тайши, не польстившись на подарки и обещания, отказали крымскому послу, заявив, что они «у великого государя учинились в вечном подданстве и по своей вере шерть учинили и аманат в Астрахань дали, и они де шерти своей нарушать не хотят»⁶.

Несмотря на неудачи своих первых посольств, Мухаммед-Гирей упрямо продолжал предлагать калмыцким тайшам заключение антимосковского союза. Приблизительно зимой 1659/1660 г. к тайшам из Крыма вновь прибыло посольство во главе с Караш-мирзой Атальком. Но и оно не имело успеха. Крымский посол был весьма недоволен этим обстоятельством и, чтобы досадить калмыкам, подговорил и увел с собой в Крым 100 кибиток калмыцких ногайцев. Только после его отъезда об этом стало известно Дайчину, как и о том, что Караш-мирза агитировал подвластных тайшам ногайцев и татар нынешней зимой уходить на территорию Крымского ханства⁷.

Поступок крымского посла крайне возмутил калмыцких тайшей, и, как отмечали очевидцы, «у крымцев учинилась ложь, и впредь де им [калмыки] никоторого добра делать не хотят». Дайчин принял решение об организации похода против подвластных крымскому хану ногайцев. В ноябре 1660 г. тайши несколькими колоннами повели свои основные силы в разных направлениях. Дайчин и Мончак с войском двинулись на Казыевский улус, под Темрюк, Крым, Азов, на Тамань, Темиргой и Бесленей – области, владельцы которых отправили своих людей на помощь крымскому хану и которые участвовали в битве под Чудновым. Манжи-Ялбо направился против ногайских улусов, кочевавших под Кабардой и по соседству с кумыками⁸.

Крымский хан Мухаммед-Гирей, узнав о приближении крупных сил калмыков к территории Малого Ногая, отправил навстречу Дайчину своего посла – ширинского мирзу Касима в сопровождении 30-ти человек. Не доезжая до Кубани, у тайшей состоялась встреча с крымскими послами, которые настойчиво отговаривали калмыков от продолжения похода и предлагали присоединиться к ним для войны с Россией. Мухаммед-Гирей ради заключения соглашения готов был даже отдать в жены Дайчину и Мончаку своих дочерей. Касима с двумя послами Дайчин отправил обратно в Крым с сообщением, что он и его люди «с ханом за его неправды в миру не будут и на битву де с ним готовы», а остальных крымцев отослал в калмыцкие улусы⁹.

В декабре 1660 г. Мончак со своим войском перешел реку Лаба и в урочище Бичигиз разгромил казыевские улусы Навруза Шидякова и других пяти мирз. Дайчин ходил войной на темрюкских, табанских, темиргоевских, бесленеевских черкесов, а также на ногайских мирз «Ураковой половины» – Девея-мирзу, Чебан-мирзу Ищерекова и Навруз-мирзу. Разгрому подвергся и Казыевский улус Кантемира-мирзы Аблина и Урак-мирзы Каспулатова. Калмыки захватили большое количество пленных, лошадей и скота¹⁰.

Тем временем сохранение относительного спокойствия на степных границах на южном направлении стало одной из важнейших задач внешнеполитического курса правительства царя Алексея Михайловича. Во многом это зависело от урегулирования взаимоотношения с калмыцкими тайшами. Как посчитали в Москве, использование калмыцких отрядов в войне с Крымом позволило бы правительству существенным образом улучшить положение дел на юге. В 1660 г. в качестве одного из «отделений» Посольского приказа был создан Калмыцкий приказ под управлением боярина В. Ромодановского и дьяка И. Горохова. Главной задачей правительство поставило перед И. Гороховым заручиться согласием тайшей на отправку своих войск против Крыма¹¹.

В мае и июне 1661 г. в калмыцких улусах прошли переговоры

И. Горохова с Мончаком, сыном Дайчина. В правящей верхушке калмыцкого общества находились активные сторонники укрепления отношений с Россией, и таковым, в первую очередь, являлся Мончак. Переговоры не омрачило и присутствие в улусах крымского посла, поскольку тайша успокоил И. Горохова, заверив его в том, что у калмыков намерения мирные¹².

Дьяк спросил тайшу, почему бы калмыкам окончательно не завладеть Крымским ханством. Тайша ответил откровенно: «И в нашем калмыцком письме написано, что калмыки будут владеть крымскими юртами. Есть на Крымском острове гора, слывет Чайка-бурун, про ту гору написано у нас, что в нем много золота и владеть тем золотом калмыкам. Что татары нам не доброхоты, это мы и сами знаем, только и на русских людей надеяться нам нельзя... А крымский хан каждый год присылает послов к нам, сулит большую казну, хочет брать государевы города калмыцкими людьми и отдавать их совсем калмыкам. Но мы не слушаемся и крымскому хану не помогаем, но и войной нам идти на Крым с чего? Нам казны не прислано, а крымскому хану ежегодно из Москвы присылают по сороку тысяч золотых, однако же крымцы на Русь войною ходят, а калмыки чем хуже крымцев?»¹³ Из приведенного разговора видно, что калмыцкие тайши были весьма недовольны малым размером жалованья, выплачиваемого Москвой за военную службу, особенно заметным на фоне крупных денежных «поминок», ежегодно отправляемых из Москвы к крымскому хану, что, по существу, выглядело политикой «задабривания врага». Такое положение, по всей видимости, не устраивало тайшей, а царское правительство считало, что компенсацией калмыкам могли бы послужить богатые трофеи, захваченные у крымских и ногайских улусов.

8 июня 1661 г. к И. Горохову прибыла калмыцкая делегация из 30-ти человек, состоявшая из ближайшего окружения Дайчина и Мончака. Главными лицами здесь выступали Зоргучи-дархан, Дазан-кашка, Байскулан, Малай, Дай-дархан, Батур и другие. Зоргучи-дархан и Дазан-кашка, помолвившись, «дали веру» в шертной записи за всех тайшей по калмыцкому обычаю, чтобы «идти войною ратным нашим людям нынешнего 169 году июня с 1 на 10 число на крымские улусы, и с крымским ханом в миру и в соединении нам не быть, а великого государя с людьми быть в вечном миру и в соединении и вспоможение русским людям везде чинить не оплошно. А что за помощью божьею поиск какой учиним над крымскими людьми и над их улусы, и нам, тайшам, и всем нашим калмыцким людям взятых крымских языков присылать к великому государю к Москве; а полон крымских улусов и отгонные лошади и всякую добычу назад крымским людям на выкуп ничего не отдавать, а продавать ту свою добычу великого государя в городах всяких чинов русским людям. А русских людей полоняников, что в крымских улусах добудем, и тех

русских людей объявлять и отдавать великого государя отчине в Астрахани, или в которые города ближе»¹⁴.

14 июня состоялась очередная встреча И. Горохова и К. Черкасского с Мончаком, на которой обсуждались уже детали предстоящего крымского похода. Мончак заявил о готовности тайшей отправить на войну около 10 тыс. калмыков. На следующий день к русскому послу пришли представители Мончака и Солом-Церена и поименно назвали командный состав калмыцкого войска. 16 июня Мончак собственноручно подписал подготовленную И. Гороховым шертную запись и список ратных людей. Согласно договоренности, Дайчин выделял на крымскую кампанию 5 тыс. воинов, Мончак, Манжи-Ялбо, Дари-тайша – по 1 тыс. воинов, Солом-Церен, Дугар, Аючей и Аюкей – по 500. Процедуру подписания шерти Мончак закончил словами: «Как де бумага склеена, так бы де калмыцким людем с русскими людьми вместе быть вечно»¹⁵.

В октябре Сефер Гази-ага, один из приближенных к крымскому хану Мухаммед-Гирею, в разговоре с русским послом в Крыму Фирсом Байбаковым обвинил царские власти в том, что они прислали к тайшам посольство с казною и призывали калмыков идти войной на крымские земли. По сведениям крымцев, «калмыки приходили и улусным людем на степи шкodu учинили, стада отогнали, а Крымом не завладели». Только благодаря усилиям нуреддина (правителя правого крыла ханства) Мурат-Гирея, руководившего обороной ханства, удалось в конечном итоге отбить набеги калмыцких отрядов¹⁶.

«На государевой службе»

После подписания шерти 8 июня 1661 г. военная служба калмыков стала носить более упорядоченный характер. Несмотря на то, что по условиям шерти тайши должны были отправить на Крым 10-тысячное войско, в архивных документах нет прямых свидетельств об отправке столь многочисленного «соединения». Но имеются показания очевидцев о движении в крымском направлении небольших калмыцких отрядов по 500 – 1 000 человек. Так, царицынский воевода сообщал в Москву о встрече казака Андрея Нормецкого и астраханца Кузьмы Керейтова с калмыцким отрядом в 500 человек во главе с Зан-кашкой. Именно этот отряд совместно с русским отрядом, состоявшим из 3 тыс. казаков и 6 тыс. солдат, 1 августа 1661 г. вступил в бой с неприятелем под Азовом. В результате азовцы потеряли убитыми 104 человека, а большая часть трофеев и 134 пленника достались калмыкам¹⁷.

Дабы организовать более крупное наступление калмыков на Крым, астраханский воевода Г.С. Черкасский 6 ноября 1661 г. в урочище Берекети (в 60 верстах от Астрахани) созвал съезд с участием калмыцких правителей

и военачальников. На нем было принято решение: как установится лед на Волге, отправить калмыцкие отряды на Крым. Мончак, как глава всех калмыцких владельцев, дал клятву астраханскому воеводе за отца, сыновей, племянников и других тайшей и мирз в том, что будут «в вечном послушании и на государевой службе»¹⁸.

Организация такой встречи русскими властями стала шагом своевременным, поскольку незадолго до этого к тайшам, которые кочевали в районе между Черным Яром и Астраханью, прибыло очередное крымское посольство во главе с Текей-агой. Крымцы предлагали мир и призывали калмыков к участию в совместной войне против России. Но им было вновь отказано: «в миру де калмыкам с крымцы никому не бывать». Крымских послов тайши просто поставили перед фактом, что они идут на Крым «большим собраньем войною». По приказу Мончака крымских послов какое-то время насильно удерживали в его улусе во избежание утечки сведений о готовящемся нападении на Крым. Очевидцы отмечали отнюдь не гостеприимное отношение калмыков к прибывшим крымцам: «чести им и корму нет»¹⁹.

В ноябре 1661 г. калмыцкий отряд в 200 всадников из улуса тайши Дугара отогнал с прилегающих к Крыму земель 2 тыс. лошадей, захватив 100 человек «ясыря». Той же осенью конный отряд в 1 тыс. воинов двинулся на Крым и уже за Днепром отогнал многочисленный табун. Захваченные в плен пастухи сообщили, что крымские улусы остались без защиты. Это стало сигналом: отряд из 800 калмыков отправился в повторный набег, а 200 воинов погнали захваченных лошадей к себе в улусы²⁰.

Мончак по приказу князя Г. Черкасского осенью отправил на Крым конный отряд в 800 воинов под командованием Умар-кошучи. В декабре из-под Крыма вернулись 350 человек, которые пригнали тысячу лошадей. Другая половина отряда продолжала действовать в степях, прилегающих к Крыму. Эти набеги приносили калмыкам богатые трофеи, и Мончак дополнительно отправил на Крым еще 700 воинов, которые привели 150 крымских «ясырей». Наибольших успехов достиг один из отрядов Мончака под командованием Будан-Церена: в боях они убили большое количество крымцев (включая знаменитого Сары-мирзу, неоднократно совершавшего набеги на русские земли) и захватили много «ясыря», лошадей и скота²¹.

Особенно разорительным калмыцким набегам подверглись кочевавшие с крымцами ногайские улусы мирз Ураковых, Урмаметевых, Шидаевых, Чебановых и Шантемиревых.

Начав боевые действия против Крыма, калмыцкие тайши не отказывались и от переговоров с крымским ханом.

4 марта 1662 г. к астраханскому воеводе Г. Черкасскому прибыл от тайши Дайчина посланец Алыбай-дархан. Выяснилось, что этот ногайский подданный калмыцкого тайши, «ведавший» посольскими

связями калмыков с мусульманскими государствами, осенью 1661 г. побывал с визитом в Крыму. По словам посланца, хан Мухаммед-Гирей в разговоре с ним обвинил калмыков в том, что они «ему, крымскому хану, делают многую неправду и иво разоряют». В случае отказа калмыцких тайшей от участия в войне на стороне Москвы, хан обещал им в награду города Казань, Астрахань, Касимов, Симбирск, Нижний Новгород, Тамбов и Шацк. По словам Алыбая, он резонно возразил хану, «что те города великого государя, а не ево, крымского хана, и как он смеет чюжие города давать, и как ему их дать, а тайшам де и самим те города не надобны, что они, тайши, у великого государя в подданстве». Посольская миссия Алыбай-дархана в Крым состояла лишь в том, чтобы официально объявить войну крымскому хану, а угроза калмыцкого посланца полностью разорить владения хана вызвала у того бурю негодования. Алыбай был арестован и посажен на скудный рацион питания. Мухаммед-Гирей пригрозил калмыкам направить против них 40-тысячную армию, и им «из Волги воды пить не дадут». Однако после очередного набега калмыцкой конницы на крымские владения, хан поспешил отправить калмыцкого посла вместе со своим человеком, Касим-мирзою, к тайшам с предложением мира. При встрече с крымским посланцем Дайчин и Мончак еще раз подтвердили, что находятся с крымцами в состоянии войны, потому что «от него, крымского хана, правды и постоянства нет, а они де тайши иво, крымского хана, не боятца не в чем»²².

В 1662 г. война калмыков с Крымским ханством превратилась в череду мелких набегов, в которых калмыки показали себя мастерами «малой полевой войны». В сентябре сын крымского хана с войском возвращался из Украины в Крым, и по дороге его головной и замыкающий отряды были внезапно атакованы калмыками. Одновременно калмыки набегом отбили скот и лошадей у ногайцев, кочевавших у Перекопа. Военный лагерь калмыков около семи дней находился в районе Черных колодцев²³.

В целях укрепления прежних договоренностей, 27 октября 1662 г. под Царицыном состоялся очередной русско-калмыцкий съезд, где князь Г. Черкасский с племянником К. Черкасским лично встретился с тайшами²⁴. Согласно заключенному договору, этой же осенью Мончак, Дугар, Солом-Церен и другие тайши вновь отправили свои отряды на Крым²⁵.

Так, Мончак выделил 4 тыс. воинов под командой Маникар-Дачи и Унидей-кашки. На реке Сал был организован сборный пункт, куда из различных калмыцких улусов стекались отряды, которые затем отправлялись на Крым. Не дождавшись на Дону подхода отряда К. Черкасского, Маникар-Дачи со своими людьми направился в набег на Казыевский улус Малого Ногая, где захватил 5 тыс. лошадей и 30 «ясырей»²⁶.

В октябре к северу от Перекопа крымцы снова наблюдали передвижения большого числа калмыцких всадников, не решаясь вступить с ними в бой. Чтобы выманить татар из-за построенных теми укреплений, небольшие калмыцкие отряды появлялись у самого Перекопа – и татары часто устремлялись в погоню. Однажды, в ноябре, перекопский бий лично возглавил преследование одного из калмыцких отрядов. В результате, как стало известно из донесения русских посланцев в Крым, «навели калмыки татар на больших людей и татар побили». Самому бию удалось чудом избежать плена²⁷.

Тайши отказались от практики использования крупных «соединений», как это было в прошлом, а ограничились немногочисленными отрядами, которые действовали по всей степной части Северного Причерноморья. Так, тайше Эрке во главе отряда силой в 260 конников в районе Перекопа удалось захватить 300 лошадей и четырех человек. 200 калмыков под началом Тогуш-Батура ворвались вглубь полуострова на 15 верст и, захватив трофеи, вернулись без потерь. Отряд под началом Колчюгаша ночью под Перекопом перехватил крымцев, возвращавшихся с русским «ясырем» из набега. Половина из 60-ти татар была убита, остальные разбежались, русских пленников освободили. 10 калмыков из этого отряда остались на Молочных Водах, где они устроили «перевалочный пункт», дожидаясь там прихода следующего отряда под командой Шогаш-Мергена²⁸.

Яркие детали своего участия в одном из крымских набегов оставил в своем донесении в Царицын калмык Болкаш из улуса Мончака. Отряд в составе 100 воинов, в котором он состоял, осенью 1662 г. из-под Перекопа отогнал 100 лошадей и 30 коров. В урочище Ушонкар калмыки вступили в бой с крымской заставой в 400 человек под командой Казы-мирзы. В разгар боя Болкашу удалось поразить копьем крымского мирзу в спину. Калмыки захватили два крымских знамени, убили 40 крымцев, многих ранили. Отогнанная ими тысяча лошадей и взятые четыре «языка» были отправлены в улус Мончака, кочевавший возле Черного Яра. В этом бою калмыки потеряли убитым только одного человека²⁹.

В декабре того же года черноморский толмач Кирилл Степанов на Волге повстречался с калмыцким отрядом из 25-ти всадников под командой Доржи Янырдаева, возвращавшимся из крымского набега. На двух верблюдах калмыки везли захваченные в бою два крымских знамени и 17 пищалей, вели крымских «языков». Они сообщили Степанову, что их отряд из 200 калмыков в бою на подступах к Крыму уничтожил 200 крымцев, отогнал 500 лошадей, 300 коров и 14 тыс. овец³⁰.

Отряд из 150-ти калмыков из улуса Дугара также ходил под Перекоп, где захватил 400 лошадей и 100 коров, отбил 16 русских пленников. С крымской заставы за ними пустились в погоню 300 татар. В ходе боя калмыки, не понеся значительных потерь, уничтожили 100 крымцев,

захватив их знамя. 25 февраля 1663 г. представители Дугара и Солом-Церена привезли Царицын это знамя и в торжественной обстановке передали его князю Г. Черкасскому. Знамя захватил калмык по имени Кичик Дарашаев³¹.

От тайши Батура в крымских походах принимал участие отряд из 500 человек под началом Доржи. С урочища Еничигей они отогнали 150 лошадей, с урочища Шункар – 730, а с урочища Бербоин – 1 000, однако крымцам удалось отбить их³².

В марте 1663 г. уже Солом-Церен сообщал в Царицын Г. Черкасскому о военных успехах своих людей. Этот тайша осенью 1662 г. направил на Крым 600 своих воинов. Отряд в 50 человек под началом Шогаш-Мергена и Батур-бакши соединился на Молочных Водах с пятью сотнями донских и запорожских казаков под командой Степана Разина и Сар-Манжи. Совершив совместный поход на Крым, они под Перекопом захватили 2 тыс. лошадей, 600 овец и 350 «ясырей». С крымской заставы за ними погнались 600 татар во главе с Сафар-Казы-агой. В завязавшемся бою казаки проявили смекалку: на татарском языке стали кричать крымцам, что на Молочных Водах находятся еще 1,5 тыс. калмыков. Услышанное сразу же обратило татар в паническое бегство. Казаки и калмыки разделили трофеи. После чего казаки с добычей вернулись домой, а калмыки, оставив захваченное имущество под охраной на Молочных Водах, снова отправились в набег под Крым. В урочище Чюкар-Ауз калмыки они захватили еще тысячу лошадей, но в ходе стычки с преследовавшими их крымцами потеряли их.

Захваченный скот и лошадей калмыки приводили на свой временный «перевалочный пункт» на Молочных Водах, там же отдыхали и снова шли в набег под Крым. Часто сюда выходили бежавшие из крымского плена русские люди, и калмыки по возможности помогали им продуктами, выделяли лошадей, чтобы они могли добраться до русской территории. В общей сложности калмыки провели здесь около двух месяцев.

Крымским татарам удалось обнаружить этот «перевалочный пункт» и разгромить его. Три калмыка были убиты, 14 попали в плен, в том числе и Шогаш-Мерген, остальные успели скрыться в степи³³. Судя по крымским источникам, в феврале 1663 г. по приказу хана Мухаммед-Гирея отряд из 1 100 воинов под командой ногайского Ислам-мирзы (сына Бекмирзы) сумел выследить три калмыцких стана в причерноморских степях и полностью их уничтожить. Девять калмыков были взяты в плен, а захваченные ими под Перекопом лошади отбиты. Всех пленных калмыков по приказу хана отправили в Стамбул³⁴.

В марте 1663 г. в Царицын прибыли люди Мончака и представили князю Г. Черкасскому «рапорт» о «зимней кампании» под Перекопом. Всего они захватили у крымцев: в первом походе – 200 лошадей, 60 коров, 3 тыс. баранов и 10 «ясырей»; во втором – 200 лошадей и 6 польских

«ясырей»; в третьем – 300 лошадей и 20 «ясырей». Были также убиты 100 крымцев и несколько мирз, среди которых был Казымбек. Польские пленники, захваченные у татар, поведали о настроениях, воцарившихся среди крымских татар: «От калмыцкого разоренья их стало мало, лутче б де им смерть, а не явное разоренье; николи де ниотково такова разоренья не бывало, какое разоренье им ныне чинитца»³⁵.

**«Служба их от нас, великого государя, никогда
забвенна не будет»**

Активные действия калмыков и запорожцев под Крымом вызвали у крымского хана стремление как можно быстрее укрепить днепровские границы новыми оборонительными пунктами и построить сплошной вал до Азовского моря. Калмыцкие набеги на Крымское ханство имели свои особенности. Если сопоставить их с действиями татар на Украине и на южных русских границах, то, по мнению А.А. Новосельского, никак нельзя заключить, что калмыки решительно срывали татарские вторжения, но мешать, тормозить ее свободный и широкий размах – эта цель достигалась³⁶.

Весь 1663 г. прошел под знаком активных действий калмыцких отрядов на крымском направлении. В январе азовский паша сообщал крымскому хану о намерении калмыков кочевать в степях Причерноморья и просил дополнительно прислать в Азов военную помощь для его защиты. Хан Мухаммед-Гирей «для спасенья от калмыков» распорядился переписать и мобилизовать во всех крымских городах греков, армян и евреев и обязать их иметь при себе пищали. Сам хан, царевичи, карачеи, мирзы и уланы готовили лошадей, «блюдяся калмыцкого прихода». Хан задумал провести большие работы по укреплению Перекопского перешейка, решив в мае начать строительство каменной стены по старому валу. Для этого на строительные работы было привлечено почти все население Крыма³⁷.

3 марта 1663 г. князь Г. Черкасский дал новый приказ Мончаку, Солом-Церену, Дугару и другим тайшам об отправке дополнительных отрядов на Крым. Мончак вскоре действительно отправил отряды под командой База-Батура, Усман-Батура и Сахан-Кашки. Солом-Церен также отрядил команды под началом Зан-Кашки, Басу, Мерген-Кошучи. Активное участие калмыков в новой крымской кампании было вызвано еще и тем обстоятельством, что зима 1662/1663 гг. выдалась чрезвычайно холодной. Начался массовый падеж скота и лошадей, что привело к голоду в калмыцких улусах³⁸. Поэтому калмыки остро нуждались как в военных трофеях, так и в дополнительном царском жалованье за службу.

Возобновившиеся постоянные калмыцкие набеги на территорию Крыма привели к тому, что крымский хан отказал польскому королю в

помощи против «непослушных» украинских гетманов. Турецкий султан, не считаясь с трудным положением Крыма, также требовал от Мухаммед-Гирея помощи в войне против Венгрии. Опасаясь новых нападений со стороны восточных соседей, крымский хан пытался уклониться от своих обязательств перед сюзереном, но все-таки нашел выход, отправив в поход против венгров своего сына Ахмед-Гирея с небольшим количеством людей.

Весной 1663 г. у калмыков с крымцами снова состоялся бой, в результате чего многие татары были побиты и захвачено большое количество лошадей и «ясыря». Часть калмыков вернулась с добычей обратно на свою перевалочную базу на Дону, а другая отборная тысяча направилась в Запорожье на помощь казакам, прибыв 19 апреля к кошевому атаману С. Туровцу. После них на Крым пришел уже другой калмыцкий отряд, учинив под Перекопом крупный бой с татарами. Калмыки полностью разгромили крымцев, и, как отмечали очевидцы, «топтали их до самой Перекопи»³⁹.

По сообщению калмыцких пленных в Крыму, около 10 тыс. калмыков пришли кочевать на Молочные Воды. Получив эти сведения, Мухаммед-Гирей все свои силы привел к Перекопу. Один из украинских перебежчиков сообщил крымцам, что атаман И. Серко с казаками, калмыками и обозом стоит у Каменного затона на Днепре и намерен двигаться к Перекопу⁴⁰.

Однако удар калмыков и запорожцев был нанесен в район Цибульника, где у них произошел ночной бой с 10-тысячным крымским войском. Перед атакой они окружили татарский лагерь, предварительно договорившись «в добычу ни на какую не падатца и языков не имать, чтоб всех побивать». В результате боя они захватили вражеский обоз и перебили татар, кроме одного султана, который через три дня умер от ран. Спаслись из крымцев лишь немногие, «разве кто в болоте оттопился». Затем калмыки с запорожцами двинулись за Днепр и Буг, узнав о нахождении здесь крымских улусов, но по дороге пришло сообщение, что татары исчезли. Крымский хан, узнав о совместных действиях калмыков с казаками, весной трижды посылал в Запорожское войско послов с предложением мира, но получил отказ⁴¹.

В мае Мухаммед-Гирей назначил нуреддина Мурат-Гирея руководить обороной Крыма на Перекопе вместо Мустафы-бия, который в свою очередь должен был заниматься строительством каменной стены по старому валу. Со всего полуострова на Перекоп свозили камни, а также сгоняли различную рабочую силу. Это сооружение пролегло по перешейку между морскими косами, как отмечали очевидцы, «для береженья крымского юрта от калмыцкого приходу»⁴².

В начале лета 1663 г. ногайские улусы, располагавшиеся под Азовом, подверглись новому нападению калмыков. Крымский хан, опасаясь

повторного прихода калмыков и запорожцев, большие силы продолжал держать непосредственно в Крыму.

Но вместе с тем, выполняя союзнические обязательства перед Речью Посполитой, часть крымских отрядов направил и на помощь королю⁴³.

В июне 1663 г. 600 калмыков прибыли в Запорожье, «где мир и веру соопча приняв, ходили под Чигирин, и под Крыловым кош татарской взяли». Сохранилось описание военного приема, использованного казаками и калмыками, когда крымцы организовали за ними погоню. После того как татары переправились через речку Омельничек, они, внезапно развернувшись, по ним ударили «и мало не всех снесли, едва которой где мог утечь»⁴⁴. Использование различных военных уловок, особенно при численном превосходстве противника, взаимно обогащало арсенал тактических приемов казаков и калмыков.

Действуя против крымских татар, калмыки проявляли отчаянную смелость. Так, в июле 1663 г. 400 калмыков, подойдя к Перекопу, сбили ханские шатры, захватили в бою мирзу, побили многих татар и едва не пленили самого Мухаммед-Гирея и нуреддина, но тех выручил вовремя подоспевший турецкий отряд. В Перекоп с подкреплением был вызван калга (второе лицо в ханстве). Однако в августе калмыки вновь напали на Крым и, прорвавшись за Перекоп, пожгли хлеб в копнах и сено. В сентябре уже атаман И. Серко при поддержке калмыков из-под Перекопа отогнал большие стада скота, а позже напал на татарские улусы под Аккерманом, освободил русских пленников и выжег селения, «учинив большое разоренье». В ходе повторного нападения на татар под Перекопом И. Серко с калмыками разгромил и сжег посад, захватил богатую добычу⁴⁵.

В сентябре в Крым пришло известие, что казачий отряд И. Серко с калмыками обманным путем овладели Белгородской ордой, войдя туда беспрепятственно со стороны волошской границы под ногайскими знаменами. На расстоянии от самой орды и до сторожевых башен ими были сожжены все селения, захвачены скот и лошади, а также «ногайский ясырь» и имевшийся у них «русский полон». По словам очевидцев, «такое большое разоренье Белгородом учинилось по тому приходу их, черкасского и калмыцкого, [ранее] не бывали»⁴⁶.

1 декабря 1663 г. в Запорожское войско от Мончака прибыл отряд в 100 калмыков под командой Эркета Атуркая. И. Серко с казаками и Г. Косагов с калмыками 6 декабря направились в набег под Перекоп, чтобы не допустить соединения крымского хана с польскими войсками, а также для взятия «языков». Они беспрепятственно жгли татарские села и отбили около сотни русских и украинских пленных, пока 11 декабря начальник перекопского войска Карачбей не вывел своих воинов с ними на бой. Соотношение сил было на стороне крымцев: 1 000 татар против 90 запорожцев, 30 донцов и 60-ти калмыков. Казаки и калмыки применили

против татар тактику ложного отступления, а затем, предоставив возможность противнику переправиться через реку Колончак, «устроя коньми кош», пошли в атаку и «побили и рубили татар до Перекопи»⁴⁷. По другим данным, в отряде преследования Карачбея находилось до 500 татар. Самому ему после боя с калмыками и казаками удалось спастись бегством, но 400 его воинов пропали без вести⁴⁸.

По сведениям пленных, турецкий султан приказал крымскому хану двигаться на помощь польскому королю, чтобы противостоять основным силам русско-украинского войска, но хан из-за боязни нового прихода калмыков и казаков его послушался. Калмыцкие конные отряды своими активными действиями в Северном Причерноморье и на Кубани в целом выполнили задачу, поставленную перед ними русским командованием, так как они значительно облегчили положение русско-украинского войска в войне против Речи Посполитой. Москва всячески поощряла совместные выступления казаков с калмыками против Крыма. В феврале 1664 г. пограничным воеводам указывалось: «калмыков наговаривать и нашею великого государя милостию обнадеживать, чтоб они нам, великому государю, служили и против неприятелей стояли твердо и непоколебимо и ни на какие неприятельские прелести и подсылки не склонялись; а служба их от нас, великого государя, никогда забвенна не будет»⁴⁹.

Весной 1664 г. практически вся крымская орда вышла за Перекоп в степь для охраны полуострова от набегов калмыков, перекрывших полностью единственную сухопутную дорогу из Крыма в Азов, по которой доставлялись в турецкую крепость подкрепление и казна. Действия калмыков привели к тому, что среди крымских подданных воцарилось мнение о том, что напрасно хан развязал войну против России в союзе с поляками. Мухаммед-Гирей, поддавшись этим умонастроениям, отправил в Москву посольство с предложением мира, а при отправке наказывал своим послам ехать только ночью, останавливаясь днем в «крепких местах в чернях и в камышах, чтоб их было не видно», так как «ведомо де в Крыму, что калмыцкие многие люди на крымской степи». Однако послы до Москвы не доехали, и хан предположил, что «их калмыки побили в степи». Действительно, той весной И. Серко и Г. Косагов с калмыками разгромили некий крымский обоз (850 человек), шедший из Крыма в Черкасский городок⁵⁰.

В июне 1664 г. по приказу гетмана И. Брюховецкого объединенный отряд Серко, Косагова и калмыков выдвинулся из Канева на правобережную Украину. В 25-ти верстах от Корсуни они разбили крымское войско, шедшее на соединение к С. Чарнецкому. Затем они двинулись на Умань, на помощь поднепровским городкам, перешедшим на сторону России. За Уманью разбили еще один крымский отряд, идущий также к Чарнецкому, и «салтанова сына взяли».

Еще один бой произошел в Сарачинском лесу, где были убиты 100 татар и поляков⁵¹.

В этом же году тайша Мончак выделил для русской армии 3 тыс. воинов под командованием Маничар-Дайчи. Причем одна половина отправилась в новый крымский поход с Г. Черкасским, а другая ушла к гетману И. Брюховецкому⁵².

Активное участие калмыков в крымской кампании Москва оценила по достоинству. Выражением доверия и признанием заслуг в военной службе Русскому государству явилась отправка в июне 1664 г. казанца Андрея Нармацкого к тайшам с жалованьем. Тайше Мончаку он привез военное знамя. По мнению П.С. Преображенской, это свидетельствует о том, что Москва теперь считала калмыцкое войско неотъемлемой составной частью русской армии⁵³.

В документах за 1665 – 1666 гг. нет никаких существенных сведений о нападениях крымских татар на Московское государство, поскольку в это время они были вовлечены в междоусобную войну в Северном Причерноморье. Несмотря на спад их активности, калмыцкие набеги на Крым продолжались. В мае 1665 г. калмыки совместно с донскими казаками совершили набег на крымскую территорию, где им удалось перехватить один из отрядов, двигавшихся с запасами в полки к хану. Попытка перекопского военачальника Карачбея их преследовать закончилась для него поражением. Более успешными оказались действия крымского калги, которому при поддержке многочисленного войска в районе урочища Черный колодец удалось все-таки отбить захваченные калмыками и донцами трофеи и заставить их отступить к Дону⁵⁴.

В том же году калмыцкие тайши перенесли свои основные боевые действия на территорию Северного Кавказа и в район Азова. Например, в июле на Кубани калмыками был разгромлен отряд из 450 татар, направленный по приказу крымского хана из Керчи в Черкессию для захвата «языков». Только 250 татарам удалось уйти, а 200 были побиты или взяты в плен⁵⁵. Тем же летом в одной из вооруженных стычек с калмыками был убит азовский паша Мустафа. Турецкий султан, которому погибший паша приходился зятем, обрушился с обвинениями в адрес крымского хана Мухаммед-Гирея, в чью обязанность входило обеспечение безопасности турецкой крепости со стороны степи⁵⁶. По всей видимости, именно это и стало причиной смены прежнего крымского хана на нового – Адиль-Гирея.

В 1666 г. набеги калмыков на Крым возобновились, чему также способствовала вспыхнувшая в ханстве междоусобица. В начале года отряд из 77 калмыков совершил нападение на крымские улусы, отогнав 8 тыс. лошадей, и без потерь вернулся домой⁵⁷. В октябре калмыки на Чонгаре отогнали конские табуны и скот. Уже в конце года объединенный

отряд, состоящий из 300 калмыков и 500 запорожцев, объявился под Перекопом, но местный комендант ничего не мог против них предпринять и жаловался хану на малочисленность своего гарнизона⁵⁸.

На следующий год, в июле 1667 г., запорожцы с калмыками вновь появились под Перекопом, их действия заставили хана Адиль-Гирея срочно туда выдвинуться с войском. В этом районе нападавшими был разгромлен крымский отряд в 300 человек, направлявшийся под Чигирин на соединение с гетманом Правобережной Украины П. Дорошенко, выступавшим за союз с Турцией и Крымом⁵⁹.

Современник тех событий османский путешественник Эвлия Челеби дал высокую оценку боевым качествам калмыцких воинов: «Калмыки всегда возвращаются, побивая крымчаков, и они превосходят крымский народ храбростью...»⁶⁰.

В заслугу за военную службу денежное жалованье из Москвы к тайшам теперь поступало регулярно. Например, перед заключением Андрусовского перемирия поляки запросили у российской стороны огромную контрибуцию. Однако главный российский переговорщик А.Л. Ордин-Нащокин ответил отказом, сославшись на будто бы большие расходы, вызванные отправкой правительством денег калмыкам, «чтоб они теснили Крымский юрт и не пускали хана на Польшу»⁶¹. На самом деле это была дипломатическая уловка с целью отказать полякам в выплате контрибуции: размеры годового денежного жалования тайшам, как показывают документы, отнюдь не были большими. Но условия политического соглашения с Москвой вполне устраивали калмыцкую правящую верхушку, которая небольшое по размеру жалованье во многом компенсировала за счет беспошлинной торговли с русскими городами, обеспечения относительной безопасности калмыцких кочевий и получения трофеев в ходе военных набегов на территории Северного Кавказа и Крымского ханства.

* * *

Таким образом, в результате договоренностей с российским правительством, которые были заключены в 1661 г., калмыцкая конница развернула активные боевые действия на крымском направлении. Разумеется, действия калмыцких отрядов не могли коренным образом подорвать Крымское ханство, да и такие цели перед ними не ставились. Тревожа тылы крымцев, сковывая их силы в крепостях, они подобным образом сокращали набег крымской конницы на внутренние районы Украины и России. Военные действия калмыков во многом носили вспомогательный характер и кардинально не могли изменить ситуацию на главном театре боевых действия, однако они существенно нейтрализовали

активность Крымского ханства на Украине, облегчив тем самым положение русско-украинских войск.

Примечания

¹ Малов А.В. Русско-польская война 1654 – 1667 гг. М., 2006. С. 15–16.

Malov A.V. Russko-polskaya voyna 1654 – 1667 gg. Moscow, 2006. P. 15–16.

² Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987. С. 124, 125–126.

Sanin G.A. Otnosheniya Rosii i Ukrainy s Krymskim khanstvom v seredine XVII veka. Moscow, 1987. P. 124, 125–126.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 119. Оп. 1. 1655 г. Д. 2. Л. 19–20, 70–71.

Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 119. Op. 1. 1655 g. D. 2. L. 19–20, 70–71.

⁴ Санин Г.А. Указ. соч. С. 126–127.

Sanin G.A. Op. cit. P. 126–127.

⁵ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 12–18.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1657 g. D. 1. L. 12–18.

⁶ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1658 г. Д. 1. Л. 66, 80.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1658 g. D. 1. L. 66, 80

⁷ РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 16.

RGADA. F. 112. Op. 1. 1661 g. D. 1. L. 16.

⁸ Там же. Л. 29.

Ibidem. L. 29.

⁹ РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 16; Ф. 119. Оп. 1. 1660 г. Д. 5. Л. 16–19, 29; 1661 г. Д. 1. Л. 111.

RGADA. F. 112. Op. 1. 1661 g. D. 1. L. 16; F. 119. Op. 1. 1660 g. D. 5. L. 16–19, 29; 1661 g. D. 1. L. 111.

¹⁰ РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 19, 20, 30, 33; Ф. 119. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 3–4; Новосельский А.А. Указ. соч. С. 92.

RGADA. F. 112. Op. 1. 1661 g. D. 1. L. 19, 20, 30, 33; F. 119. Op. 1. 1661 g. D. 1. L. 3–4; *Novoselskiy A.A. Op. cit. P. 92.*

¹¹ *Тепкеев В.Т. Посольство дьяка Ивана Горохова в калмыцкие улусы в 1661 г. // Вестник РГГУ. 2013. № 10. С. 10.*

Тepkeev V.T. Posolstvo dyaka Ivana Gorohova v kalmytskie ulusy v 1661 g. // Vestnik RGGU. 2013. No. 10. P. 10.

¹² РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1660 г. Д. 5. Л. 121, 122.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1660 g. D. 5. L. 121, 122.

¹³ Там же. Л. 127, 128.

Ibidem. L. 127, 128.

¹⁴ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е. Т. I. С. 531, 532.

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii: Sbranie 1-e. Vol. I. P. 531, 532.

¹⁵ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1660 г. Д. 5. Л. 154.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1660 g. D. 5. L. 154.

¹⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1659 г. Д. 3. Л. 111, 112.

RGADA. F. 123. Op. 1. 1659 g. D. 3. L. 111, 112.

¹⁷ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 28.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1661 g. D. 1. L. 28.

¹⁸ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1662 г. Д. 1. Л. 52, 53.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1662 g. D. 1. L. 52, 53.

¹⁹ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1662 г. Д. 1. Л. 6, 44; Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею Наук. Т. 3. СПб., 1901. С. 460–461.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1662 g. D. 1. L. 6, 44; Akty Moskovskogo gosudarstva. Vol. 3. St. Petersburg, 1901. P. 460–461.

²⁰ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1662 г. Д. 1. Л. 7, 10.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1662 g. D. 1. L. 7, 10.

²¹ Там же. Л. 13–14, 24.

Ibidem. L. 13–14, 24.

²² РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 482–485.

RGADA. F. 112. Op. 1. 1661 g. D. 1. L. 482–485.

²³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1659 г. Д. 3. Л. 146, 147.

RGADA. F. 123. Op. 1. 1659 g. D. 3. L. 146, 147.

²⁴ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 11, 15.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1663 g. D. 1. L. 11, 15.

²⁵ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1662 г. Д. 1. Л. 101.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1662 g. D. 1. L. 101.

²⁶ Там же. Л. 101.

Ibidem. L. 101.

²⁷ Там же. Л. 149, 151.

Ibidem. L. 149, 151.

²⁸ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1662 г. Д. 1. Л. 102; 1663 г. Д. 1. Л. 106–107, 160.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1662 g. D. 1. L. 102; 1663 g. D. 1. L. 106–107, 160.

²⁹ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 35–37.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1663 g. D. 1. L. 35–37.

³⁰ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1662 г. Д. 1. Л. 104, 110.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1662 g. D. 1. L. 104, 110.

³¹ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 96, 190.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1663 g. D. 1. L. 96, 190.

³² Там же. Л. 224.

Ibidem. L. 224.

³³ Там же. Л. 99–101, 107.

Ibidem. L. 99–101, 107.

³⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1663 г. Д. 2. Л. 5–7.

RGADA. F. 123. Op. 1. 1663 g. D. 2. L. 5–7.

³⁵ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 127–129.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1663 g. D. 1. L. 127–129.

³⁶ Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма (научное наследие). М., 1994. С. 94, 95.

Novoselskiy A.A. Issledovaniya po istorii epokhi feodalizma (nauchnoe nasledie). Moscow, 1994. P. 94, 95.

³⁷ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 3.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1663 g. D. 1. L. 3.

³⁸ Там же. Л. 139.

Ibidem. L. 139.

³⁹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией (АИЮЗР). Т. V. СПб., 1867. С. 171, 172.

Akty, odnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii (AIYUZR). Vol. V. St. Petersburg, 1867. P. 171, 172.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1663 г. Д. 2. Л. 8, 9.

RGADA. F. 123. Op. 1. 1663 g. D. 2. L. 8, 9.

⁴¹ АИЮЗР. Т. V. С. 172, 173.

AIYUZR. Vol. V. P. 172, 173.

⁴² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1663 г. Д. 2. Л. 12.

RGADA. F. 123. Op. 1. 1663 g. D. 2. L. 12.

⁴³ Новосельский А.А. Указ. соч. С. 75.

Novoselskiy A.A. Op. cit. P. 75.

⁴⁴ АИЮЗР. Т. V. С. 169.

AIYUZR. Vol. V. P. 169.

⁴⁵ Новосельский А.А. Указ. соч. С. 96.

Novoselskiy A.A. Op. cit. P. 96.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1663 г. Д. 2. Л. 52.

RGADA. F. 123. Op. 1. 1663 g. D. 2. L. 52.

⁴⁷ АИЮЗР. Т. V. С. 148–149.

AIYUZR. Vol. V. P. 148–149.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1663 г. Д. 2. Л. 58.

RGADA. F. 123. Op. 1. 1663 g. D. 2. L. 58.

⁴⁹ АИЮЗР. Т. V. С. 149.

AIYUZR. Vol. V. P. 149.

⁵⁰ Там же. С. 201, 202, 209.

Ibidem. P. 201, 202, 209.

⁵¹ Там же. С. 154, 157, 202–203, 210.

Ibidem. P. 154, 157, 202–203, 210.

⁵² РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1664 г. Д. 9. Л. 22–24, 26.

RGADA. F. 119. Op. 1. 1664 g. D. 9. L. 22–24, 26.

⁵³ Преображенская П.С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVII в. // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 1. Элиста, 1960. С. 83.

Preobrazhenskaya P.S. Iz istorii rusско-kalmytskiykh otnosheniy v 50–60 godakh XVII v. // Zapiski Kalmytskogo NIYALI. Vol. 1. Elista, 1960. P. 83.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1663 г. Д. 2. Л. 94.

RGADA. F. 123. Op. 1. 1663 g. D. 2. L. 94.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1665 г. Д. 3. Л. 3.

RGADA. F. 123. Op. 1. 1665 g. D. 3. L. 3.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1666 г. Д. 1. Л. 7, 8.

RGADA. F. 111. Op. 1. 1666 g. D. 1. L. 7, 8.

⁵⁷ АИЮЗР. Т. VI. СПб., 1867. С. 86.

AIYUZR. Vol. VI. St. Petersburg, 1867. P. 86.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1665 г. Д. 3. Л. 16, 18.

RGADA. F. 123. Op. 1. 1665 g. D. 3. L. 16, 18.

⁵⁹ Там же. Л. 109.

Ibidem. P. 109.

⁶⁰ *Челеби Э.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 246.

Chelebi E. Kniga puteshestviya (Iz vlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka). Vol. 2. Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzhya i Podonya. Moscow, 1979. P. 246.

⁶¹ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 11-12. М., 1991. С. 175.

Solovyev S.M. Istoriya Rossii s drevneyshih vremen. Vol. 11-12. Moscow, 1991. P. 175.

С.Н. Токарева

**ПОЛИЦЕЙСКИЕ И ПОДНАДЗОРНЫЕ:
РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
И ПРАКТИКА ПОЛИЦЕЙСКОГО НАДЗОРА
В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ
(конец XIX – начало XX вв.)**

Со времен «охранительных» контрреформ Александра III карательный аппарат Российской империи начал широко применять полицейский надзор за «неблагонадежными» подданными. Раскрывая механизм надзора на основе имперских нормативно-правовых актов и оперативного делопроизводства общей полиции, рассмотрим опыт его применения в Курской губернии – одном из крупных регионов Европейской России – на рубеже XIX–XX вв.

Но прежде отметим, что в постсоветской историографии полиция Российской империи изучается с особенной активностью. Исследователи сосредоточили внимание на организации и различных сторонах деятельности как центральных учреждений полиции, так и местных, на специфике полицейской работы в разные периоды времени и в различных регионах империи. Так, некоторые вопросы истории полиции начала XX в. изучены в книгах Ю.А. Рента¹ и В.Н. Кручина².

Вряде трудов в общих чертах описан и механизм полицейского надзора. К примеру, известный исследователь тайного политического сыска Ю.Ф. Овченко рассматривает надзор как один из этапов правоохранительной деятельности, осуществление которого являлось обязанностью общей полиции³.

В 1990-е гг. появились и первые работы, непосредственно